

Девушка из Кофейни

АЛИСА ЛУНИНА

Алиса Лунина
Девушка из кофейни

«Алиса Лунина»

2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лунина А.

Девушка из кофейни / А. Лунина — «Алиса Лунина», 2012

ISBN 978-5-04-093348-8

«По романам Алисы Луниной снимают популярные фильмы, которые выходят на Первом канале, среди которых „Новогодний рейс“ и „За пять минут до января“. Она пишет истории о любви, которая всегда и чудо, и боль, и выстраданное счастье...» Тяжело переживая развод с мужем, Ника решает начать жизнь с чистого листа и переезжает в Петербург, где осуществляет свою давнюю мечту – открывает собственную кофейню. Вскоре кофейня «Экипаж» станет местом притяжения для самых разных людей, а саму Нику в Петербурге – городе, богатым тайнами, ждут удивительные встречи, загадки прошлого и... любовь. Читайте продолжение истории в романе «На Фонтанке ожидается солнечный ветер»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093348-8

© Лунина А., 2012
© Алиса Лунина, 2012

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алиса Лунина

Девушка из кофейни

Петербургский роман

*Ты не можешь всегда получать то, что хочешь,
Но, если ты однажды постарайся, то поймешь,
Что получил то, что тебе нужно.*

Rolling Stones

Перед Новым годом вдруг пошел такой снег, что я испугалась – до нас никто не доберется, люди уже на подходе к набережной завязнут в сугробах. Словно бы расстарался некий снежный мастер, работал всю ночь, и в итоге – сугробы по колено и деревья как в сказочном берендеевском лесу. А на окнах этот небесный снежный мастер искусно вывел прекрасные снежинки. Да, с ними вышло особенно смешно, мы как раз собирались наклеить на окна кофейни декораторские снежинки разных размеров и форм, а тут нам нарисовали настоящие.

В это снежное утро нашему гламурному бармену Леше, абсолютно не приспособленному к грубой физической работе, пришлось взять лопату и целый час убирать снег перед кафе, потому что иначе наши посетители застряли бы в сугробах и превратились в ледяные фигуры. Первые пятнадцать минут снегоуборочных работ Леша манерно возмущался и говорил, что он не дворник и «вообще не обязан, слышите, барышни?».

Барышни (то есть я, кондитер Манана и бариста Юля) в это время глядели на него из кофейни и хохотали. Вскоре Леша затих, видимо, смирившись, и следующие полчаса провел в тяжелом молчании. В «Экипаж» он вернулся красный, угрюмый и сразу ушел в подсобку – отлеживаться.

А в обед стало ясно, что Лешины старания были напрасны, потому что снежный мастер работал быстрее, чем Леша убирал – снег все шел, шел, так что казалось, что где-то в мироздании прохудилась крыша, и через нее просачиваются тонны чудесного, новогоднего снега. Люди, которые заходили к нам в кофейню, жаловались, что по городу невозможно пройти, автомобилисты стонали, что машины буксуют в снегу, крыли почем зря небесную канцелярию и городскую управу, а бедные дворники-таджики, осознавая тщетность своих усилий, сжимая в руках лопаты, плакали навзрыд и ругали эту чужую снежную страну.

И все-таки у каждого горожанина в глубине души была детская шальная радость от этих летящих белых птиц. Потому что снег под Новый год – это правильно, это идеальные декорации для самых невероятных новогодних историй и чудес. История, о которой пойдет речь, случилась именно такой снежной метельной ночью.

* * *

Кофе «Черный Капитан» – фишка нашей кофейни. «Капитана» меня научил варить мой отец. В детстве я часто ездила в Прибалтику, где после развода с моей матерью обосновался отец, – там были лучшие кофейни, в которых мы с папой подолгу просиживали, болтая за кофе обо всем на свете.

С тех пор я полюбила атмосферу кофеен. Оказываясь в незнакомом городе – в Париже, Лондоне, Риме, Нью-Йорке, – я сразу иду в кофейню. Обожаю летние кофейни, когда город украшен кафе на тротуаре, как цветами; за столиками сидят красивые люди, разговаривают,

улыбаются, флиртуют. Я присаживаюсь за столик, заказываю эспрессо и, вдыхая аромат свежего кофе, наблюдаю жизнь города во всем ее многоголосии, запахах, красках.

А городу, в котором я живу, кофейни совершенно необходимы! В Петербурге девять месяцев в году дождь и слякоть, и в этих суровых условиях бедным петербуржцам жизненно необходимо как-то согреться от непогоды и балтийского ветра. А в кофейне, глядя на заливаемый дождями город, можно выпить хороший кофе и заесть сезонную депрессию вкуснейшим марципановым пирожным. Мне бы хотелось, чтобы у каждого заходящего в нашу кофейню «Экипаж» становилось светлее на душе даже в самый противный дождь «котов и собак», как говорят англичане.

Когда мы подбирали дизайн для «Экипажа» и дизайнер спросил меня, каким я хочу видеть свое кафе, я ответила: «Таким, чтобы людям хотелось сюда вернуться». Да, с самого начала я старалась следовать этому правилу – все в «Экипаже» должно быть устроено так, чтобы посетителям здесь было уютно. И пусть не все из задуманного пока удалось осуществить, но у нас уже есть клиенты, которые регулярно приходят к нам пить кофе.

Именно для них за неделю до Нового года мы празднично украсили кофейню. Расставили всюду большие вазы, наполненные мандаринами; в их кожуру воткнули много гвоздики, и в «Экипаже» к густому кофейному аромату добавился запах волшебного праздника и детства. Любой посетитель мог взять такой мандаринчик с гвоздикой бесплатно. Мы приобрели новые светильники в форме светящихся шаров сиреневого и синего цвета – зимним вечером этот свет кажется волшебным, а по стенам развесили увеличенные копии старых рождественских и советских открыток. Людям нравится – смотрят, улыбаются, доброе ретро никого не оставляет равнодушным.

Кроме того, в каждой чашке кофе с пенкой мы делаем латте-арт – у нас это рисунок в виде елочки или надпись «С Новым годом!». Приятно видеть, как люди радуются, обнаружив поздравление, благодарят и поздравляют в ответ. А главное, мы решили каким-то особенным образом поздравить постоянных посетителей «Экипажа» – тех, кого мы знаем, кто приходит в нашу кофейню как домой. Им вдобавок к заказанному кофе в последние предновогодние дни мы вручаем пакетик со сладостями от нашего шеф-кондитера Мананы. Кому мармелад ручной работы, кому кедровое пирожное, кому сверток воздушного, тающего во рту хвороста. На каждом пакете надпись: «Счастливого Рождества! Кофейня «Экипаж». Пустяк, а люди довольны.

Сегодня вручила такой сладкий сверток с бисквитным печеньем, пропитанным кофе, симпатичной барышне, которая частенько забегает к нам. Она призналась, что у нее сегодня не самый удачный день, но после нашего подарка настроение поднялось. «И вам счастливого Нового года! У вас самый лучший кофе в городе!»

Она ушла, улыбаясь, и у меня настроение улучшилось. Я вообще давно заметила – сделаешь кому-нибудь что-то хорошее, и тебе невесть откуда тоже прилетит что-то хорошее. Главный закон приращения хорошего, ага.

* * *

Незадолго до Нового года мы решили отметить праздник своим «экипажем». А экипаж у нас подобрался разношерстный: вдребезги стильный бариста Леша, красавица Юля, Манана, кондитер с волшебным талантом, и я – «черт-те что и сбоку бантик», в прошлом – несостоявшийся музыкант, в настоящем – владелица кафе «Экипаж», кофеманка и бариста по призванию. Вот что у нас может быть общего? Оказывается – многое. Мы все любим кофе, нашу кофейню, душевные разговоры за жизнь и сладкое.

Кстати, о сладком – на столе уже красовался нежнейший, с сотней коржей «Наполеон», пропитанный самым правильным заварным кремом, блюдо манговых пирожных (слой оранжевой массы из манго, которая взрывается на языке каким-то тропическим коктейлем, и орехо-

вый слой), пахлава (она у нас не приторная, а медовая, с легкой горчинкой – фундук, грецкие орехи в медовом сиропе, ммм!), чизкейки в ассортименте, тирамису, правильное шампанское, пара бутылок ликера «Бейлиз» и много-много хорошего кофе.

На столике горели свечи. За окнами шел снег.

Первый тост, на правах единственного мужчины, произнес Леша. Надо сказать, что его речь оказалась дремучей, как африканские дебри, и долгой, как зима в Петербурге, так что мы, застыв с бокалами в руках, успели заскучать. А Лешу несло – порассуждав о жизненных проблемах в целом, он вдруг начал рассказывать какую-то индийскую притчу, полную туманных смыслов, и по ходу дела их все потерял; осознав это, он смутился и попытался вырваться к финальной части, но так и не смог перейти к заветному «так выпьем же за то!..» Увидев Лешино замешательство и поняв, что мы попросту теряем время, этот драгоценный дар богов, Манана поспешила к Леше на помощь. Ее тост оказался отчасти сумбурным, зато лаконичным.

«Я очень люблю нашу кофейню и всех вас (при этом она грозно поглядела на Лешу), и вы – лучшее, что случилось со мной в этом году».

Чувствительная Юля прослезилась.

– Так выпьем же за то, – победно изрекла Манана, – чтобы и в наступающем году нас ждало много хорошего!

И мы наконец выпили.

До Нового года оставалось два дня, и я даже представить не могла, что со мной случится в эти последние дни декабря. А между тем Белая Дама уже придумала свою историю, в которой отвела мне и *ему* главные роли. Завтра я пойду к ней и встречу там...

Но обо всем по порядку.

Часть 1

Кафе «Экипаж»

Глава 1

Симпатичная барышня попросила латте-маккиато, молодой человек за ней заказал эспрессо кон-пана. Для меня до сих пор эти названия звучат, как любимая музыка: эспрессо-романо, эспрессо-корретто, эспрессо-доппио, капучино, латте, фрапе.

Я – бариста¹, специалист по приготовлению кофе, кофейный сомелье. Думаю, что я неплохой специалист, хотя до высшей ступени – кофейного мастера, доктора кофейных наук, композитора кофе – мне пока далеко. Что ж – есть к чему стремиться. Главное, что я люблю эту работу, и только в «Экипаже» я наконец почувствовала себя на своем месте.

Говорят, что тот, кто утром идет на работу с радостью, а вечером с радостью возвращается домой – счастливый человек. Выходит, мне до счастья осталось всего ничего – разобраться с вечерами. По утрам я иду в «Экипаж» с огромной радостью. Здесь все – каждая мелочь, от марки кофемашин до дизайна сливочников – выбрано мною.

Я сама искала поставщиков лучшей арабики и вместе с Мананой утверждала кондитерское меню. Я головой ручаюсь за качество наших десертов – в них нет никакой химии и суррогатов. Все абсолютно свежее: лучшие какао, орехи, сметана, сливки, сливочное масло, фрукты, плюс волшебные руки и желание доставить людям радость.

Думаю, что общими усилиями нам удалось создать такое место, где нам самим хорошо, а это неперемное условие для того, чтобы здесь нравилось посетителям. А ведь еще недавно ничего не было – на месте кофейни была дешевая рюмочная, а в моей душе – выжженная пустыня.

Мотор, стоп-кадр. Назад в прошлое.

...Депрессия – это когда ты просыпаешься утром, а вставать не хочется. Вообще ничего не хочется – есть, причесываться, смотреться в зеркало, гулять, работать, дышать. Короче – категорически не хочется жить. Депрессия – это когда ты превращаешься в неуравновешенную неврастеничку и можешь расхохотаться вдребезги демоническим смехом (мол, ха-ха! вот такая я!) и тут же разрыдаться – я-то такая, но жизнь моя кончена. Депрессия – это когда твое состояние вызывает опасение у окружающих, потому что ты сидишь неподвижно и пялишься в одну точку недобрых два часа, а это, согласитесь, как-то странно и не вяжется с поведением здорового мыслящего человека. Депрессия – это когда тебя перестают приглашать в компании, поскольку люди боятся чужого несчастья, думая, что оно заразно, как простуда, а также того, что ты испортишь им праздник безнадежно похоронным видом. Депрессия – это ощущение тоннеля, по которому едешь и едешь, а выхода все нет, и даже искать его бессмысленно. Депрессия – это жизнь после того, как тебя бросил любимый человек.

Я впала в депрессию после мучительного разрыва с любимым мужем Славой. Меня накрыло ею, как лавиной или торнадо. Целыми днями я лежала в постели и задавала себе один и тот же вопрос: «Где и в чем я ошиблась?»

Однажды я задала этот вопрос своей подруге Рите, и та сказала: «Ника, а почему ты ищешь причину в себе? Почему бы не допустить мысль, что это не твоя вина, а просто твой Славик – козел?!»

¹ От итальянского *barista* – «человек, работающий за барной стойкой», бармен.

Признаться, меня озадачили ее слова. Я привыкла во всем винить себя. Вполне возможно, что зря. Потому что, вообще говоря, это скверная привычка. Похуже, чем грызть ногти.

Со Славой мы познакомились пять лет назад. Тогда я переехала к нему в Москву. Поначалу наши отношения были, как кофе ристретто, обжигающий, заставляющий биться сердце, кофе, который опрокинешь залпом и потом не продохнуть – слишком крепкий. А потом они стали напоминать растворимый кофе, то есть что-то ненастоящее, фальшивое. Знаете, я очень не люблю растворимый кофе, с моей точки зрения – это вообще не кофе, а его подделка, суррогат, и честнее было бы так и писать на банках – кофейный суррогат. Вот и наши отношения со Славой в какой-то период, незаметно для меня самой, стали суррогатом.

Но это я сейчас понимаю, а тогда ничего не понимала и не замечала. Потому что любила. Я так любила этого мужчину, голубоглазого блондина с двумя высшими образованиями, ростом метр восемьдесят и нордическим, выдержанным характером, что уже не могла увлечься в жизни чем-то другим.

С тех пор как мы стали жить вместе в гражданском браке, я превратилась в отчаянную домохозяйку – ушла с работы, сидела дома и обустроивала Славин быт. С первого дня семейной жизни так повелось, что все было на мне. В принципе обязанности по дому не казались мне тягостными – в конце концов, для любимого мужа ничего не жалко, даже жизни.

Я очень старалась быть хорошей хозяйкой – вот, скажем, Слава любит не обычный жареный картофель, а запеченный, но не простым образом – а картофель «по-боярски» с творогом и в сливках. И ничего, что мне на эти «боярские» амбиции приходится тратить лишние полчаса – я о себе-то и не думала. Все только Слава, Слава. И обед из трех сложносочиненных блюд сообразить, и стол красиво сервировать, накрыв его белой накрахмаленной скатертью, а не клеенкой, и на десерт исхитриться приготовить что-нибудь изысканное, чтобы любимый мужчина остался доволен, – а как же иначе? Мой всегдашний пунктик – я все время стараюсь все сделать идеально, перфекционистка несчастная.

Прибрать, поднести, развлечь, сделать мужу массаж и, кроме того, соответствовать его ожиданиям. Оказывается, худшее, что может сделать женщина – во всем слушаться мужчину.

Например, раньше мне часто приходилось слышать от знакомых, что я смешная, естественная, искренняя, ведь я даже в самом плохом стараюсь видеть хорошее и считаю, что правдивость и доверчивость, пусть даже переходящая в наивность, – в сущности, неплохие качества. Но Слава меня все время ругал за подобную «глупость», его раздражала моя смешливость. Как-то он даже сказал, что у меня дурацкая, словно бы «приклеенная к ушам» улыбка. И в конечном счете я отклеила улыбку, спрятала ее в карман и вообще перестала улыбаться, превратившись в хмурую затюканную женщину – то, что надо.

По пунктам далее. Ему не нравилось, как я одеваюсь – «слишком пестро!». И стоило мне хоть раз изменить выбранному Славой черно-бело-элегантному дресс-коду – ну, там, цветочки или, хуже того, полоска, клетка, или – боже упаси! – джинса, как муж сразу закатывал глаза, беспомощно вздыхая: «Ну что это такое, Никусь?» После чего Никусь сникал и забрасывал веселенькое платьице в цветочек куда подальше от Славиных придиричьих глаз. И постепенно мой гардероб стал похож на гардеробчик распорядителя похоронами – все черное, очень сдержанное, стильное, но одинаковое и невыносимо скучное.

Слава все время понижал мою самооценку. Как будто это было главной задачей его жизни. Смешно даже – ну что, у него других дел нет, что ли? Когда я делала новую прическу, он мог ничего не сказать, но так посмотреть, что я готова была провалиться от стыда или оторвать себе голову, которую, как считал Слава, эта прическа совсем не украшала.

Следующий предмет для разногласий – фигура. Дело в том, что я совершенно не модельный типаж. Ну, просто ни одной ногой в современные стандарты красоты не вписываюсь. Может, так звезды встали в момент моего рождения или генетика подгадила, но только я

от природы, увы, пышная фемина сорок восьмого размера с определенной перспективой с годами примерить пятидесятый. А мой Слава заглядывался на модельных девушек и не считал нужным это скрывать. Я честно пыталась худеть, «сушилась», превращаясь в бледную замороженную тень прежней Ники, но результат моих титанических усилий был недолгим – я снова возвращалась к привычному ненавистному размеру.

И вот как-то я взглянула на себя со стороны и увидела закомплексованную тетку в черном похоронном костюме, не ставшую худой, а главное, не ставшую счастливой.

Однажды я рассказала Славе о своем желании открыть собственное дело. Мне было стыдно сразу признаться, что я с детства мечтаю открыть какую-нибудь уютную кондитерскую или кофейню, и я начала издали. Слава вскинулся: «Какое такое «дело»?» – и взглянул недоверчиво и строго.

Я окончательно смутилась: «Ну, скажем, собственную кофейню...»

Вот это было зря. Следующие сорок минут мой гражданский муж потратил на рассказы и увещания в стиле «маленькие дети, ни за что на свете не ходите, дети, в Африку гулять!» Он так живописал про крокодила и злого Бармалея, а также санэпидемстанцию, пожарную инспекцию и злобных налоговиков, что я мгновенно испугалась и закинула мечту о кофейне на тот же чердак, где уже пылились платья в цветочек и кофточки в горошек.

Я оставила всякие мысли о собственном деле. Строго говоря, у меня не должно было быть никаких собственных дел. Какие дела, когда у меня есть муж, и при этом я – русская женщина, а русской женщине надлежит заниматься делами мужа. И не надо всяких глупостей.

В общем, у меня был муж, стабильный доход в виде зарплаты, которую он мне каждый месяц приносил в клюве, и предположения (как сейчас понимаю – ничем не подкрепленные), «что так будет всегда». И вдруг все рухнуло.

Слава сказал, что для нас обоих будет лучше, если мы расстанемся. Я не была уверена в том, что так будет лучше для меня, и минут сорок сидела, застыв, переваривая услышанное. Потом я попросила все же как-то разяснить, чем вызван столь внезапный порыв. На что Слава заметил, что это вовсе не порыв, а вполне здоровое, проверенное временем решение. И ушел.

Позже он попытался объяснить, почему сбежал. Сказал, что я его достала своим перфекционизмом – «это же все время надо соответствовать, а я хочу просто быть счастливым. Понимаешь?». Я не понимала и очень от этого страдала. Мне, конечно, было интересно посмотреть, «на кого он меня променял». Я была уверена, что там-то уж девица исполнена в самых модельных параметрах, и не ошиблась. Она оказалась худой высокой блондинкой, полной противоположностью мне – крупной темноглазой брюнетке.

* * *

И в моей жизни наступила черная полоса. Как известно, есть два способа пережить удар судьбы: взять и отпустить ситуацию или «подложиться под трагедию», пропустить ее через себя. Я выбрала второй вариант и не то что подложилась, а прямо легла на рельсы и позволила этому поезду себя переехать, решив настрадаться по полной программе.

В итоге однажды утром я не встала с постели, потому что не видела смысла вставать, чистить зубы, причесываться, варить кофе, идти гулять, работать – я не видела смысла ни в чем. Я лежала, как бревно, несколько дней подряд, пока мое почти бесчувственное тело не обнаружила приехавшая из Нью-Йорка подруга Рита. Она, само собой, пришла в ужас и принялась дудеть мне в уши об очевидной аморальности подобного поведения, называла меня сначала «бедной несчастной девочкой», а потом свиньей, одновременно ласково увещевала и бранила последними словами. Но я, как тот упрямец из известной притчи, которого пытались вытащить из ямы сердобольные прохожие, отбрыкивалась – оставьте, я здесь живу!

В конце концов Рите все же удалось скинуть меня с дивана. И я перешла в другую фазу депрессии – днями сидела на подоконнике с видом на Москву-реку, выпивала бессчетное количество чашек кофе и думала, чем заняться в ближайшие пятьдесят лет. Притом у меня уже стали возникать мысли насчет того, что «надо что-то делать» и как-то выбираться из трясины любовных переживаний. Я даже понимала, что причина моей жизненной драмы, пожалуй, не в Славе, а если глубже, если честно себе признаться – во мне самой.

Сейчас я уверена, что так и было. Депрессия, в определенном смысле, сродни тоннельному сознанию – ты движешься исключительно в русле одних мыслей и переживаний, из которого у тебя решительно не получается выбраться. Ясен пень, что данное направление – тупиковое, но ты по каким-то причинам не можешь или не хочешь с него свернуть и катишь по нему, как на катафалке.

Кроме всего прочего, возникает соблазн пожалеть себя. Как это меня, такую хорошую, такую-сякую распрекрасную этот неблагодарный козел (а вы где-нибудь видели благодарных козлов?) бросил? Променил на другую. И уже захлебываешься жалостью к себе, такой бедной и несчастной.

Теперь я понимаю, что этого делать нельзя. Категорически. А надо понять, что, пока ты тут рыдаешь и упиваешься несчастьем, твоя жизнь проходит. В этом самом узеньком темном тоннеле, куда ты же сама вошла и откуда надо быстренько выбираться.

А как? Вопрос. А между тем я сама так и катила по своему тоннелю и страдала, как водится, душевно – с соплями и причитаниями.

В то время я ушла от Славы – «мне от вас ничего не надо, даже столичной жилплощади!» – и стала снимать квартиру в Москве. Аренда жилья стоила дорого, а мои деньги стремительно таяли. Это были тяжелые времена. Мне во всем не везло. Дошло до того, что однажды я стала оплачивать кредит за машину, а прожорливый банкомат счавкал мои купюры и замер – ни чека, подтверждающего оплату, ничего, – типа, не знаю я вас и денег ваших не брал. В его равнодушии было что-то издевательское. Я забегала вокруг банкомата, заохала – отдай деньги, сволочь! Потом разрыдалась – так вдруг стало обидно, что вообще ни в чем не везет. Да это просто мировой заговор против меня!

И я решила уехать из Москвы в Петербург. Вот говорят, что если чувствуешь, как накрывает девятым валом несчастий, надо резко сменить декорации и переместиться в пространстве. Тем более что мне было куда уезжать. Дело в том, что пять лет назад, встретив Славу, я переехала к нему в Москву из родного Петербурга, оставив квартиру. И теперь, раз уж со Славой все кончено, в Москве меня больше ничего не держит.

Да и Рите пора было возвращаться в Нью-Йорк к своему Джону, который каждый день напоминал ей о себе, звоня по телефону, а Ритка виновато мычала в трубку, что задержится в Москве еще ненадолго. «Почему, Джонни? Ну, потому что...» А я знала почему – она боялась оставить меня одну.

Я чувствовала вину перед подругой – чего ради она должна нянчиться со мной, наплевав на собственную личную жизнь и нетерпеливого, уже начавшего обижаться на нее Джона?

«Ну, вот что, – решительно сказала я, глядя в ее заботливые глаза. – Лети-ка ты в Америку. Джон волнуется».

«Да и черт с ним!» – махнула рукой Рита, но прозвучало это как-то неубедительно.

«Ты там на месте разберешься – черт с ним или полная любовь и согласие! И вообще... Миллионерами в условиях жесткого экономического кризиса не разбрасываются, между прочим, они на дорогах не валяются». Кстати сказать – ее Джон был не просто славным парнем, но еще и богачом. Вот так счастливо распорядились Риткины звезды.

– А как же ты, Ника? – вздохнула моя сострадательная подруга.

– А я решила вернуться в Питер. Что мне в Москве делать?

Прощаясь, Рита заверила, что в скором времени прилетит в Петербург – проверить мое душевное здоровье.

На следующий день после ее отъезда я села в поезд (в купе всю ночь проревела, мысленно разговаривая со Славой) и отправилась к берегам Невы.

* * *

Перемещение в пространстве как метод психотерапии мне не помогло. Конечно, если бы я уехала, скажем, на Мальдивы или в какие-нибудь иные залитые солнцем декорации, рецепт бы, глядишь, и сработал, но под свинцовым питерским небом мне лучше не стало. Увы, мой родной Петербург – не самое подходящее место для излечения от депрессии.

Я приехала сюда в конце лета, но здесь уже наступила осень. Шли сильные дожди, и пространство переливалось всеми оттенками серого – серое небо, серая река, свинцовый гранит набережных, серые лица горожан. Ладно, если первый рецепт излечения от хандры не сработал, надо срочно подключать второй. А согласно ему в случае депрессии нужно заняться каким-нибудь делом, которое захватит настолько, что вытеснит все переживания.

Я задумалась – чему себя посвятить? И как снискать хлеб насущный, ведь мне теперь придется самой зарабатывать на жизнь.

По профессии я музыкант, окончила консерваторию по классу фортепиано. В музыкальную школу меня отдала мама. Она мечтала, что когда-нибудь затраченные ею усилия окупятся и я стану выдающимся музыкантом, мой гастрольный график будет расписан на 150 лет вперед и она сможет мной гордиться. Знаете, очень тяжело, когда тебя в детстве нагружают таким чувством ответственности, потому что оно пропорционально грузу вины, которую ты испытываешь, когда не оправдываешь чьих-то ожиданий. Я очень старалась, правда... Так старалась, что в конце концов возненавидела музыку и часто с упоением повторяла: «Тишина – ты лучшее из того, что я слышала...» Меня перекормили гаммами, сольфеджио и установками: «Ника, ты должна учиться, ты должна быть лучше всех».

С тех пор у меня гигантский комплекс, будто я всем что-то должна и обязана доказать, что я лучшая и тоже достойна любви. Этот комплекс, словно хвост, волочится за мной по жизни и мешает идти вперед.

Я даже думаю, что причина моего разрыва со Славой как раз в этом. Я так отчаянно старалась доказать неудавшемуся мужу, что достойна его любви, что сделала несчастной в этих отношениях и себя, и его.

Увы, я не оправдала маминых надежд. Я оказалась (как трудно признать, что ты – посредственность) музыкантом со средними способностями. Как осторожно сказала мне мой добрейший преподаватель в консерватории: «Все хорошо, Ника, но чего-то не хватает...» – «Чего?» – «Искры Божьей...»

Ясно. Вся штука в том, что «средней искры» не бывает. Она либо есть, либо ее нет. И во втором случае занимайся хоть до мозолей на заднице – искру Божью не высесть.

Консерваторию я окончила, но у меня нет таланта, выступлений в концертных залах и гастрольного графика. И для мамы это оказалось ударом.

После консерватории я стала работать преподавателем в музыкальной школе, откуда смогалась через полгода, поняв, что это не мое. Больше всего на свете я боюсь заниматься не своим делом, потому что не хочу портить жизнь окружающим. А в музыкальной школе приходится иметь дело с детьми, это огромная ответственность – нужно фанатично любить собственную работу или найти мужество уйти.

Потом я работала менеджером – кому-то что-то продавала и уже в понедельник мечтала о пятнице, как мечтал о ней Робинзон Крузо. В конторе царила смертная тоска. А потом я встретила Славу, влюбилась и уехала за ним в Москву.

Там я первое время давала частные уроки музыки. Кстати, именно благодаря им я познакомилась с Ритой. Однажды через знакомых мне предложили работу – учить игре на фортепиано девушку Риту. Рита как-то безоговорочно и сразу располагала к себе доброжелательностью и искренностью, а еще мне сразу понравилось ее потрясающее чувство юмора и манера заразительно, очаровательно смеяться. В общем, ничего удивительного в том, что мы подружились, нет.

Как человек честный, через неделю я Рите прямо сказала: «Маргарита, хорош дурью маяться. Ну, какой из тебя музыкант? В лучшем случае будешь на светских тусовках играть двумя пальцами какую-нибудь поповую мелодию или собачий вальс. Тебе это надо?»

«Нет, – сказала Рита, – не надо». И мы прекратили занятия. Пианистки из Риты не вышло, но выяснилось, что у нее весьма своеобразный сильный джазовый голос. И мы придумали совместную программу – она пела, а я ей аккомпанировала. Мы выступали в джазовых клубах и даже неплохо зарабатывали. Как говорила Рита, мы работаем на контрастах: она – маленькая миниатюрная рыжая, и я – крупная брюнетка.

Это было замечательное, веселое время, но Слава начал активно возражать против этих концертов, и мне пришлось сделать выбор (конечно, я предпочла мужа). А вскоре Рита вышла замуж. Здоровенного смешливого Джона привели в клуб русские друзья; увидев Риту, он пал к ее ногам как подкошенный. Через месяц Рита уехала с ним в Америку и теперь поет свою любимую песню «Осень в Нью-Йорке» в Нью-Йорке.

Она уехала, а я осталась, и даже наши частые телефонные звонки друг другу не помогали мне избавиться от ощущения острого, сосущего под ложечкой одиночества. Ну а потом мой брак, а заодно и жизнь дали трещину, и тут уж одиночество захлестнуло меня мощным девятым валом. Что называется, спасайся кто может.

Именно Рита пришла мне на помощь в тот черный август, когда, расставшись со Славой, я приехала в Петербург и размышляла над тем, как заработать на жизнь. Через знакомых петербургских рестораторов она предложила мне работу – по вечерам играть в модном дорогом ресторане за неплохие деньги. Но я отказалась, потому что после разрыва со Славой перестала играть. То есть я не могла заставить себя подойти к роялю. Вот просто никакими силами. Ну, в жизни всякое бывает – после стресса некоторые люди, например, перестают есть или не могут спать, а я – возможно, это своеобразная реакция организма на сильное потрясение – не могла играть. Иными словами – утратила профпригодность.

И куда податься бедной девушке?

По этому случаю мы с Ритой организовали женсовет с ликером и душевными беседами. Рита специально для этого прилетела в Петербург, как на какую-нибудь конференцию. На повестке дня вопрос: куда пристроить горемычную Нику?

Рита меня с ходу спросила:

– Ника, о чем ты мечтала до этого коз... Славы?

Я ушла в такие раздумья, что Рита за это время успела выпить две рюмки «Бейлиза». Когда она взяла третью, я призналась, что всегда хотела открыть собственную кофейню.

– Вот и открой! – хмыкнула Рита. – Чего ты как Манилов – «а хорошо бы мост через реку построить». Хочешь – сделай!

Я замялась:

– Ну-у-у, это в теории хорошо, в мечтах... А на практике небось сплошные сложности. Предпринимательство – это же чистая Африка, налоговики-бармалеи, крокодилы из пожарной инспекции...

– Люди открывают и не боятся, – парировала Рита.

– Да где я денег возьму? Чтобы открыться, нужен стартовый капитал, притом нешуточный.

Рита улыбнулась:

– Деньги я дам.

Разумеется, от ее заманчивого предложения я отказалась в самой категоричной форме, сославшись на свое жизненное правило – не брать в долг, тем более у друзей, и вообще ни у кого ничего не просить.

Рита принялась меня уговаривать:

– Никуша, могу я хоть раз в жизни сделать для тебя что-то хорошее?

Я упрямо отказывалась.

В результате Рита надулась, сказала, что «это гордыня, мать твою, Ника!», и укатила в отель.

А на следующий день симпатичный молодой человек, «русский партнер Джона по бизнесу», привез мне пухлый конверт с дензнаками и сказал, что если он привезет их обратно – Джон оторвет ему голову.

Так у меня появился стартовый капитал.

Глава 2

Все началось с названия. Известно, что название для книги, корабля, кофейни – дело исключительно важное. «Как вы яхту назовете – так она и поплывет». Надо сказать, что размышления были недолги: я всегда знала, что, если у меня будет кофейня, я назову ее «Экипаж». Мне нравится это название, в нем есть что-то благородное, романтическое и подразумевающее дружественный союз людей, объединенных общим делом. А мы, получается, экипаж кофеманов! Ну вот, с названием разобрались – уже полдела. Теперь предстояло найти для «Экипажа» помещение.

Мне хотелось, чтобы кофейня располагалась где-то на набережной, рядом с водой. В этом случае «Экипаж» походил бы на корабль, пришвартованный к причалу. Помещение для кофейни посоветовали в агентстве. Еще недавно здесь была обычная рюмочная – облупленные стены, грязь и ужас запустения. Когда я туда зашла, мне стало страшно. Казалось, что привести все это в приличный вид невозможно. Зато место замечательное и до реки рукой подать. А еще мне понравились огромные панорамные окна, выходящие на тихую пешеходную улочку и красивый старинный дом напротив. День я наматывала круги по ближайшим окрестностям и наконец решила, что кофейню следует открывать именно здесь.

Следующий месяц рюмочную приводили в порядок – ремонт оказался сродни стихийному бедствию и порядком меня вымотал. Но к середине октября все было готово, и мы открылись.

Над интерьером работали вместе с дизайнером. Много из того, что он предложил, пришлось отвергнуть – с моей точки зрения, добрая половина российских заведений грешит тем, что в них нет необходимого уюта. Ресторан может быть дорого и модно оформлен, но при этом у человека не возникает желания в нем задержаться. В погоне за стилем забывают об элементарном комфорте. Я выбирала столы, диванчики, кресла не только исходя из их внешнего вида, но и по принципу удобства. Освещение подбиралось мягкое, рассеянное, ненавязчивое и приятное глазу. В противовес унылой петербургской монохромности здесь будет много зелени, радующей глаз: роскошные изумрудные фикусы под потолок, цитрусовые, цветы. И главное – в кофейне должно быть тепло даже в самый промозглый серый день.

В обустройстве все имеет значение, не случайно говорят: «Дьявол живет в мелочах» (хотя мне больше нравится: «Бог живет в деталях»). На подоконниках мы расставили огромные вазы, наполненные кофейными зернами, из которых торчали большие свечи, а в углу зала поставили рояль. За этот рояль дизайнер меня чуть не убил. Когда я заикнулась о том, что хотела бы перевезти инструмент в кофейню, дизайнер уставился на меня с таким ужасом, словно бы я предложила украсить кофейню большим черным гробом. «Ника, зачем вам здесь рояль?»

Я пролепетала, что рояль – живое существо, он создает особую атмосферу и задает стиль. На самом деле я просто не могла сказать дизайнеру правду – в моей квартире этот музыкальный инструмент стоял немым укором и напоминал мне о прошлом. Выбросить его на помойку я не могла – все-таки память, но и смотреть на него тоже не было сил, оставался единственный вариант – определить его в кофейню. Поняв, что меня не переубедить, дизайнер пожал плечами – делайте что хотите, но лично я в этом не участвую!

Вскоре рояль занял свое место в зале. Ничего, что вычурно и нелепо, зато я наконец смогла избавиться от его давящего присутствия дома.

Много времени ушло на подбор оборудования – нам нужно было обустроить кофейню как космический корабль: лучшие кофемашины, плиты, витрины.

Я решила, что мы будем обжаривать кофе, в отличие от большинства заведений, где не обрабатывают зерна непосредственно перед варкой, как это должно быть. Кроме того,

для меня изначально было важно, что мы открываемся и работаем в формате кофейни, то есть никаких супов и, упаси боже, разливного пива. Только сорок видов лучшего кофе и разнообразные десерты.

А главная задача, которую я ставила перед собой и своей будущей командой, – обустроить все так, чтобы людям не хотелось отсюда уходить. Что, наверное, неправильно с точки зрения бизнеса, поскольку аренда помещения стоит денег, и предпринимателям выгодно, чтобы люди не засиживались, а покупали и уходили; но, в конце концов, не все определяется выгодой. Если уж думать о прибыли, то я могла бы заняться другим, более доходным бизнесом, но я занимаюсь любимым делом, и «Экипаж» для меня – в последнюю очередь предпринимательство.

Кроме всего прочего, мне бы хотелось привить людям культуру потребления кофе. Дело в том, что Россия – чайная страна. Большинство россиян плохо разбираются в кофе. Еще недавно многие мои сограждане не знали, что такое «маленький двойной», и называли его «эспрессо». Некоторые и сейчас не знают, как правильно употреблять эспрессо, чтобы в полной мере насладиться его вкусом.

Во-первых, его нельзя пить долго. Если вы хотите посидеть в кафе подольше, лучше заказать другой кофе, капучино, к примеру, или латте, а «маленький двойной» живет всего пару минут. Во-вторых, в хорошей кофейне к эспрессо вам должны предложить стакан прохладной воды. Правильно пить эспрессо так: глоток кофе – глоток воды, чтобы освежить вкусовые рецепторы и почувствовать кофейный вкус. Я решила, что наши бариста будут общаться с посетителями и рассказывать им об основных кофейных премудростях.

Мне оставалось только найти умных, обаятельных, работоспособных и влюбленных в свою работу бариста. Я всегда знала, что если что-то делать – надо делать это хорошо, по совести, с полной отдачей, как моя мама, всю жизнь проработавшая врачом в детской поликлинике и считавшаяся отличным специалистом; как парень из нашей консерватории, ставший музыкантом мирового уровня; как стилист, у которого я когда-то стриглась (этот парень был так увлечен своим делом, что когда он работал с клиентами – он пританцовывал на месте, а расческа в его руках была похожа на волшебную палочку, самым чудесным образом преображавшую женщин). К сожалению, гораздо чаще встречаются люди, которые работают вымученно, через силу, лишь бы отделаться.

Однажды мой волшебный стилист уволился, уехал в Москву, и вместо него в салоне меня подстригала другой мастер. Это была девушка-«треугольник», (о каждый угол которой можно было пораниться). Барышня жевала жвачку и выразительно закатывала глаза, словно подчеркивая, что она очень устала, в том числе лично от меня. А когда она укладывала мне волосы, она не сушила, а жгла их феном. Мне захотелось спросить ее – зачем она работает здесь, с людьми, если они ей так неприятны? Но я ничего не спросила и ушла молча. Мое наказание девушке-«треугольнику» было в том, что я не сказала ей спасибо.

Люди, которые не любят свою работу, подстерегают нас всюду, как вирусы, – в магазинах, больницах (случаются такие доктора, что они не то что помогут пациенту – они сделают ему хуже: нахамят, перепугают, недолечат или, еще хуже, – перелечат), школах, паспортных столах, поездах, самолетах и даже на самом высоком государственном уровне. Возможно, они думают, что отсутствие любви к профессии – это дело второстепенное, совершенные пустяки, которые их профессиональной деятельности не мешают, но они глубоко заблуждаются – еще как мешают! Причем не только им самим, но и окружающим.

В общем, главным критерием в выборе сотрудников для «Экипажа» была их увлеченность профессией «бариста». Я всюду дала объявления о наборе персонала, и к нам потянулись люди. Однако из двадцати претендентов, готовых работать у нас, не нашлось ни одного подходящего.

Общаясь с людьми, я столкнулась с неразрешимой проблемой – все они имели весьма смутное представление о том, кто такой бариста и с чем его едят. Как известно, каждый росси-

янин считает, что смог бы написать книгу и вполне сносно управлять страной (еще и получше этих-то, которые там такой бардак развели!); я бы добавила еще один пункт насчет кофе – почему-то считается, что сварить кофе сможет любой дурак.

Во всяком случае, на вопрос, сумеют ли они приготовить правильный эспрессо, мальчишки-девочки (три дамы бальзаковского возраста и один старичок) отвечали с иронией: «Что там делать-то?» Мысль о том, что бариста должен знать многие нюансы (например, хороший специалист по вкусу кофе сможет даже определить, хорошо ли ухаживают за кофемашинной в той или иной кофейне), как-то не приходила им в голову. Старичок – тот вовсе возмутился: «Что его готовить? Кофемашина ведь есть!»

От такой наивности я замахала руками и зашипела. Ведь это только кажется, что сварить кофе в кофемашине легко – дескать, нажал на пару кнопок, и она сама все сделает. На самом деле нужно выдержать правильную температуру воды, верно рассчитать количество кофе, проверить помол и правильно сформировать кофейную таблетку, потому что все эти нюансы отражаются на вкусовых качествах кофе.

Через неделю, так никого и не найдя, я впала в отчаяние. И тут появился Леша. Надо сказать, что он явно выделялся из общего потока соискателей: в кафе вошел красивый манерный мальчик, по виду явный метросексуал, и кокетливо представился: «Леша».

У Леша были потрясающие глаза цвета зеленых оливок, длиннющие ресницы и поразительная самоуверенность. Он с ходу заявил, что сможет сделать «лучший в этом городе (тут он презрительно сморщился, из чего я заключила, что Петербург – не город его мечты) эспрессо», а также еще сорок четыре вариации кофейных напитков, даже если его разбудить глубокой ночью. После эффектной паузы Леша добавил: «Даже если три ночи до этого я пил другие напитки». Свое смелое заявление Леша подтвердил на практике, на раз-два-три опробовав новенькую кофемашину и выдав сложносочиненный, со множеством оттенков, насыщенный эспрессо.

На вопрос, как бы он мог описать вкус правильного эспрессо, Леша, как человек понимающий и творческий, к тому же не чуждый поэзии, ответил: «Сбалансированная симфония из шоколада, черники, орехов и карамели».

– А как насчет латте-арт? – поинтересовалась я. – Владеете?

Леша хмыкнул:

– Я вам в чашке Исаакиевский собор нарисую, если надо!

И наконец Леша сразил меня тем, что на мой каверзный вопрос: «Чем арома отличается от аромата?» – дал правильный ответ: «Арома – это аромат сваренного кофе, а аромат – общее впечатление от ароматы, вкусовых качеств и формы эспрессо».

В общем, все в Леше было прекрасно, за исключением его эксцентричности и чего-то специфического, вызывавшего опасения э... относительно Лешиной сексуальной ориентации. И ведь не спросишь в лоб – простите, а вы чьих будете? У хорошо воспитанных людей, согласитесь, это не принято. Я попробовала зайти издали, спросив: «Вы женаты?» Но Леша не раскололся и отделался односложным: «Холост». Вот и походи догадайся.

Недолго подумав, я пришла к выводу, что, в конце концов, Лешина ориентация – его личное дело, и даже смешно это обсуждать в двадцать первом веке.

Через две недели Леша уже был для меня Леликом, и мне казалось, что мы знакомы очень давно. Парень он, конечно, был с затеями – манерный и капризный, но добрый и чувствительный. А главное, он оказался прирожденным бариста и к тому же эстетом – мог мастерски украшать напитки, изысканно сервировать стол.

Первый месяц мы работали на пару с Лешей, сменяя друг друга. У нас оказались одинаковые музыкальные пристрастия, выяснилось, что мы оба любим Леонарда Коэна, Сезарию Эвору и старый добрый джаз, так что разногласий по поводу того, что крутить в «Экипаже»,

у нас не возникло. Только лучшая музыка ненавязчивым фоном для того, чтобы под нее можно было разговаривать, смеяться или грустить, влюбляться и, конечно, пить кофе.

* * *

Оставалось найти еще одного, крайне важного члена «Экипажа» – отличного кондитера, без которого наш корабль далеко не уплывет, это факт. И началась нервотрепка с поисками. Печально, но с этим дело обстояло еще хуже, чем с бариста.

Я не верила соискателям на слово и предлагала им доказать профессионализм на практике. Выступить в качестве подопытного вызвался Леша: он пробовал экспериментальные пирожные и печенье. Наверное, это было жестоко, потому что после каждой очередной дегустации Леша морщился, как будто проглотил коровий кизяк. А одной барышне, угостившей его своим странноватым изделием, он даже сказал: «Вы меня извините, но лучше купить пряников из супермаркета – будет честнее по отношению к клиентам и уж точно безопаснее!»

Вскоре я стала думать, что нам, видимо, действительно придется предлагать клиентам сладости из супермаркета, но тут небо послало нам добрую волшебницу по имени Манана.

Сорокалетняя грузинка Манана отнеслась к поискам работы вдумчиво – она заявила не просто так, а с большой сумкой, из которой стала выкладывать на стол пироги, маковые рулеты, ореховые корзинки. Надо сказать, что угощения выглядели так аппетитно, что я не стала звать Лешу на помощь, а попробовала все, а потом еще и еще, сама.

Сказать, что это было вкусно – значит не сказать ничего.

Я спросила, что умеет печь Манана, и та простодушно улыбнулась:

– Все.

Я решила уточнить:

– А скажем, чизкейки?

Манана ласково кивнула в ответ:

– Конечно!

– А... печенье?

– Пожалуйста!

– А торты?

И Манана, как добрый волшебник Гудвин, изрекла:

– Сколько и какие угодно!

Заполучить такого кондитера – все равно что выиграть в лотерею. Я сразу поняла, что при таком раскладе я через пару месяцев не влезу в дверь – потому что отказаться от десертов Мананы невозможно, но, в конце концов, за эти десерты можно отдать не только бессмертную душу, но и проститься с мечтой о красивой фигуре.

Крупная громкоголая веселая Нана улыбалась так широко и искренне, что мгновенно располагала к себе. Кроме кулинарных талантов она обладала еще одним даром – даром общения. Она была искренней, естественной и заботливой, ей хотелось всех накормить и обогреть. Нана, как никто другой, умела выслушать и ободрить. Она быстро взяла нас с Леликом под материнское крыло.

В первый же день Манана рассказала мне историю своей жизни – что в Тбилиси работала кондитером в ресторане, а пару лет назад переехала в Петербург вслед за мужем, которому здесь предложили работу, и что в Петербурге ей холодно и не хватает солнца, и люди тут какие-то хмурые. Но она не унывает, потому что у нее четверо детей и хандрить просто некогда, а еще потому, что грустить – бессмысленно, лучше напечь пирогов и позвать гостей, чтобы дом наполнился веселыми голосами и смехом.

В общем, в эту унылую осень Манана стала нашим портативным солнышком, которое светило и согревало нас своим теплом. Впрочем, думаю, не только нас, потому что ее десерты и пироги примиряли с жизнью даже самых отчаявшихся.

Попробовав однажды, вы никогда не забудете ее маленькие, изящные трюфели, воздушное безе, кедровые корзинки, фруктовые пирожные и правильное тирамису с нежным сыром маскарпоне, с едва уловимой, но совершенно необходимой кофейной ноткой, а маковые штрудели – сочетание вкуснейшего бисквита и мака, перемешанного с медом, – гарантированно поднимут настроение, а особо чувствительных заставят разрыдаться от счастья. Уверена, что вы нигде не найдете такой шоколадный торт «Прага», какой печет Манана. Это абсолютно домашний, но только из лучшего дома, торт с шоколадным масляным кремом. А ее печенье (имбирное, маковое, фисташковое, миндальное, с курагой и цукатами) просто тает во рту.

Итак, качественный кофе из тщательно отобранной арабики был нашей с Лешей задачей, а за потрясающие десерты отвечала Нана.

* * *

По моей личной просьбе для «Экипажа» Нана печет хачапури и осетинские пироги. Для меня хачапури желтой дынной лодочкой с тремя сортами сыра, один из которых непременно сулугуни – это воспоминание о Грузии, где я каждое лето гостила у бабушки.

Рано утром я просыпалась от запаха кофе, который был таким сильным, что проникал в комнату и будил меня – это бабушка на кухне жарила кофейные зерна. К утреннему кофе полагался желтый кус горячего сулугуни, и после завтрака меня ждал день, полный солнца и счастья. А вечером над двором летел певучий бабушкин голос: «Нико! Ужинать!»

Грузия, волшебная страна моего детства, теперь так далеко. А в настоящем – осень, серый слякотный Петербург, где солнца нет вообще, как будто его проглотил крокодил, и где спасение утопающих – дело рук самих утопающих, в смысле, ты сам должен вытащить себя из болота уныния.

И вот я стараюсь... Изо всех сил. А теперь, когда у меня есть кофейня, я честно стараюсь не только для себя, а для всех, кто приходит к нам в гости. И я счастлива, что нашла единомышленников, которые относятся к «Экипажу» с такой же любовью. Я знаю, что Леша и Нана считают кофейню своим домом.

Я люблю наблюдать за Наной, когда она печет хачапури. Нана тоненько раскатывает тесто, любовно укладывает сыр и вскоре вынимает из раскаленной плиты сырное солнышко. Когда Нана печет, она обычно что-то напевает низким приятным голосом.

Я как-то сказала ей:

– Нана, ты так похожа на мою бабушку!

Нана перестала петь и обиженно спросила:

– Я такая старая?

– Ой, что ты! – спохватилась я. – Я в том смысле, что она тоже пела, когда готовила.

Нана кивнула:

– Правильно, готовить надо с хорошим настроением, иначе ничего не выйдет.

За кофе и пирогами мы с Наной часто вспоминали Грузию.

* * *

Пару недель мы работали за стойкой на пару с Лешей, потому что никак не могли найти третьего бариста, который нам был необходим как воздух. Но вот как-то осенним вечером...

Она пришла в кофейню незадолго до закрытия. Очень красивая, промокшая под дождем девушка села за столик. Она долго смотрела в окно. Когда я подошла и спросила, что она хочет заказать, незнакомка вздохнула и ничего не ответила. Я вежливо кашлянула, тогда она опомнилась и попросила капучино. Впрочем, когда ей принесли кофе, она к нему даже не притронулась, так и сидела с полной чашкой, печальная, потерянная.

Ровно в десять мы занервничали – кофейню пора закрывать, а что делать с девушкой, которая, судя по всему, никуда не торопится?

Мы с Леликом переглянулись – странная девушка, безусловно, эффектная, но словно неживая. Леша неудачно пошутил: «Как будто из красавицы набили чучело, и получилось очень красивое чучело красивой девицы. Абсолютно неживая красота».

Нана на него тут же цыкнула – какие шутки, может, у человека горе?!

И вдруг эта странная промокшая девушка начала рыдать. Сначала заплакала тихонько, смахивая слезы с глаз, а потом разревелась как ребенок – с надрывом, едва ли не в голос. Мы с Наной, понятное дело, взволновались – че ж такое у нее стряслось? Леша стал мне делать большие выразительные глаза – дескать, иди, спроси.

Я подошла и осторожно, замирая от неловкости, спросила, не надо ли ей чего и не нужна ли «в принципе какая-нибудь помощь»? Так я познакомилась с Юлей.

Глава 3

Юля была потрясающе хрупкая. Она выглядела так, словно никогда не ела сладкого и мучного. Да и вообще ничего. Она являлась примером для подражания таким толстушкам, как я, – путеводная звезда, на которую следует равняться. Мне кажется, она соответствовала идеальным стандартам 90–60–90, вот только талия была еще меньше – сантиметров пятьдесят.

Глаза у Юли были удивительного фиалкового цвета, а волосы того прекрасного медового оттенка, что нравится всем без исключения. Вот такая Барби неземной красоты пришла в «Экипаж» мокрая и несчастная, как дворняжка. Мое воображение подсказывало, что эта золотоволосая принцесса – не иначе как жертва рока и преследований, и ее история наверняка поражает трагизмом, который так подходит к подобной незаурядной внешности.

Рыдая, незнакомка стала рассказывать о своей жизни, и выяснилось примерно следующее.

Неземная красота приехала в Петербург из деревни Колупаевки, затерянной где-то в очень средней полосе России. По приезде в город у Юли были смутные томления и идеи насчет высшего образования и карьеры, но в институт девушка не поступила.

А вскоре она поняла, что жизнь в большом мегаполисе для такой нежной феминки, как она, априори таит много опасностей. Юная наивная Юля столкнулась с драконом по имени быт – надо было снимать квартиру, а денег катастрофически не хватало. Юля застенчиво призналась нам, что об ту пору у нее в активе имелось всего одно платье, джинсы и кофта с люрексом – привет из девяностых (чувствительный Леша, всю зарплату просаживающий на шмотки, аж закачался от ужаса, услышав о столь тяжелой доле).

В поисках хлеба насущного Юля устроилась работать в ресторан официанткой, где ее Вова и увидел. Он отмечал там свой тридцатилетний юбилей в компании корешей, в смысле, таких же... бизнесменов. Когда Юля подошла к имениннику и застенчиво спросила: «Что будете заказывать?» – Вова, особо не мудрствуя и не тушуясь, выдохнул: «Тебя!»

Вова, сочтя Юлю с ее фиалковыми глазами лучшим подарком себе на юбилей, подозвал пальцем с массивным перстнем старшего администратора ресторана, спросил у него, сколько будет стоить освободить девушку на сегодняшний вечер от «подай-принеси», и выкупил красавицу.

У Юли с Вовой закрутился страстный роман. Стали они жить-поживать, добра наживать. Год Юля нигде не работала, сидела дома, дожидаясь Вову. Но потом в их отношениях образовалась трещина. Отчего-то Вова стал Юлю раздражать.

«Примитивный он какой-то, – вздыхала Юля, – на уме только деньги да кабаки, а так, чтобы душевно поговорить, – не дожدهшься. И в филармонию ходить не хочет, и Шекспира на языке оригинала не читает».

Юля решила уйти от Владимира, о чем ему и сообщила, надеясь на понимание или хотя бы на элементарный такт; но Вова ни того ни другого не выказал и повел себя исключительно пошло – начал ругаться матом, топтать ногами сорок пятого размера и угрожать. Так прямо и заявил: «Если не со мной – то ни с кем. И вообще тебе не жить!» «Но как же» – пискнула Юля. «Я все сказал!» – рявкнул Вова.

Девушка попробовала сбежать от пылкого возлюбленного, но ее мгновенно вернули обратно – род деятельности Владимира (а был он то ли бандитом, то ли помощником какого-то депутата – Юля и сама толком не знала) позволял ему быстро найти человека и в таком немаленьком городе, как Петербург.

От отчаяния Юля даже подумывала вернуться в свою Колупаевку – небось там ее Вова не найдет. Но сочла, что возвращаться к сельчанам вот так, сломленной, можно сказать, на щите, никак нельзя.

В итоге Юля совсем запуталась и не знала, что ей делать. Она призналась нам, что сегодня ушла от Владимира, оставив ему записку, в которой сообщила, что никогда его не любила и к нему не вернется. В этот вечер она долго ходила по городу под дождем и наконец зашла в первое попавшееся кафе. К нам в «Экипаж».

Потрясенные, мы молчали, только Нана сказала: «Молодец, что ушла от него. Это поступок».

– Но мне некуда идти, – прорыдала Юля. – А к Вове не вернусь – хоть убейте. Вот пойду и брошусь с моста!

Я опешила – ничего себе заявление! Представьте мои чувства – гнусный осенний вечер, холодно, дождь стеной – выставить девушку на улицу не смог бы и самый бессердечный человек. Но что мы ей можем предложить? Ночевать у Лешы – не вариант, у Мананы – большая семья...

– Идем ко мне. Переночуешь, а там, глядишь, что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее.

– Соглашайся. – Манана ткнула Юлю в бок. – Иди к Нике!

Юля с готовностью кивнула.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Нана. – Я вам булочек соберу, дома чайку попьете.

От «Экипажа» до моего дома – рукой подать.

Оглядевшись, Юля одобрительно сказала, что у меня уютно. Ей понравилось большое количество книг («неужели в наше время кто-то еще читает?») и картины на стенах.

Мы засели на кухне, из окон которой были видны набережная и река, пили чай и разговаривали. Под сладкие шедевры Наны беседовать было определенно веселее, правда, сначала Юля отказалась от еды, сказав, что у нее совсем нет аппетита («такая тоска!»), но, увидев марципановые пирожные и булочки с корицей, она сочла возможным съесть махом полкулька, невзирая на тоску. Однако даже фирменные булочки Наны не примирили Юлю с действительностью. На вопрос, что все-таки она собирается делать, Юля горестно вздохнула: «У меня нет ни работы, ни жилья».

– А давай к нам в кофейню? – предложила я. – Будешь зарабатывать, снимешь квартиру.

– Так я ничего не умею! – растерялась Юля.

Я улыбнулась:

– Ну-у-у... Сварить правильный кофе мы тебя быстро научим!

Так мы нашли третьего бариста. Юля сразу вписалась в команду «Экипажа», словно бы всегда была с нами. Есть такие девушки, «цветочные эльфы», – смешливые, неконфликтные, обаятельные, которые вообще не напрягают в общении; наша Юлька оказалась таким очаровательным эльфом с легким характером.

Мы с Лешей прозвали ее «Ю». Новое имя ей очень подходило. Красивая яркая Ю была наивна и очаровательна. Она украшала «Экипаж» своим присутствием, и ей полагалось приплачивать за красоту. Леша, правда, любил поддразнить Ю, повторяя в ее присутствии фразу писателя Фицджеральда, дескать, в нашей жизни для женщины лучше всего быть хорошенькой дурочкой. Леша недвусмысленно развивал эту тему, но Юля не обижалась, – она вообще была не из обидчивых и мнительных особ. Кроме этого, у нее имелось еще одно несомненное достоинство – она все схватывала на лету.

Конечно, сначала в работе у нас с Ю возникли определенные сложности. С Лешей мне было легче, потому что в его красивом мужественном (хи!) лице я нашла уже готового бариста, можно сказать, настоящего мастера, Юля же не только не умела готовить кофе, она его – каково?! – даже не любила. Юля нам сразу же честно призналась, что всю жизнь пьет растворимый кофе и в принципе «кофе не очень-то любит».

«Предпочитаешь компот?» – хмыкнул Леша и сварил девушке классический выдержанный эспрессо, составленный из смеси трех сортов качественной арабики, отобранных им самим. Этот эспрессо был его гордостью, собственной кофейной мелодией.

И что вы думаете? Юля сделала глоток, натянуто улыбнулась и пожала плечами:

– Видимо, я все-таки ничего не понимаю в кофе... По мне, так очень горчит и слишком крепкий.

Леша зашатался, как будто ему нанесли смертельный удар.

– Может быть, ты хочешь сказать, – звенящим от обиды голосом изрек Леша, – что предпочитаешь этому благородному напитку растворимое пойло?

– Да, если тебя это не очень расстроит, – вздохнула Ю.

Но Леша как раз очень расстроился и как заведенный стал твердить, что растворимый кофе нельзя пить, потому что многие недобросовестные производители кладут туда черт знает что, и это самое «черт знает что» ты добровольно наливаешь себе в чашку каждое утро. «Согласись, это глупо!»

– Возможно, – сдалась Ю.

Я напомнила Леше, что клиента надо приучать к кофе. Постепенно. Например, в нашей кофейне мы вынуждены предлагать разные вкусовые добавки (сироп, ликер, шоколад), которые мы называем аналгетиками, «обезболивающими», смягчающими кофейный вкус. Многим людям, воспитанным на растворимом суррогате, классический эспрессо кажется горьким и резким, и мы надеемся, что хотя бы с помощью вкусовых добавок они, глядишь, когда-нибудь смогут привыкнуть к настоящему кофе, а поняв, что эспрессо может быть сладким, ароматным, ореховым и даже ягодным, и вовсе откажутся от ненужных примесей.

Мы с Лешей взялись обрабатывать Юлю с двух сторон, устраивали ей показательные выступления и соревновались, кто сварит для нее лучший кофе.

– Юль, охлажденную емкость для молока нужно обработать паром – так мы получим королевскую пышную пену. Наблюдай за молоком, слушай пузырьки, – вкрадчиво втолковывал Леша.

– Что слушать? – испугалась Юля.

– Пузырьки. Ты поймешь по звуку, когда они начнут превращаться в плотную густую пену. О! Это оркестровая партия – каждая тема должна зазвучать вовремя. Когда молоко достаточно нагреется, звук станет на тон ниже, и тогда мы медленно – нельзя спешить! – смешиваем молоко с эспрессо. Шоколад добавляем по желанию.

– Ты так говоришь, – съехидничала Ю, – словно бы речь идет о музыке.

– Конечно! Умница! Именно о музыке, – благосклонно кивнул Леша.

– Вы с Никой сумасшедшие, – поняла Юля. – Кофейные маньяки.

– Точно, – хихикнула я. – Мы с Лешей страшные люди. Представь, есть такие безумцы, которые, как пел Фрэнк Синатра, «даже в кофе добавляют кофе».

Юля оказалась способной, смысленной, живо интересовалась происходящим и не стеснялась задавать вопросы.

«Леш, а почему в чашке для эспрессо кофе так мало, будто его не долили? А чем арабика отличается от робусты?» И Леша терпеливо объяснял, что арабика мягче на вкус и в ней меньше кофеина, а робуста горчит и не так ароматна (поэтому арабика ценится больше, а робуста меньше), и лучший эспрессо получается из стопроцентной арабики твердых сортов. «А сейчас, детка, я научу тебя отличать зерна арабики и робусты по виду».

«Мананочка, а как у тебя получается такой заварной крем? Ника, а чем пахнет этот сорт колумбийского кофе, мне кажется или действительно малиной?» И Нана посвящала Юлю в свои кулинарные секреты, а я рассказывала ей, что этот кофе действительно пахнет свежей

малиной, а тот сорт – персиками, потому что на кофейных плантациях растут цветы и ягоды, и кофе вбирает в себя их запахи.

Первые дни я просто стояла рядом с Юлей и объясняла ей, как правильно обжаривать зерна (естественно, она не знала, что есть три вида обжарки: легкая – «скандинавская», средняя степень – «венская» и более длительная – «французская» или «итальянская») и как добиться на выходе сложносочиненного сбалансированного напитка, в котором будет ощущаться не один, а множество вкусовых кофейных оттенков.

Уже через неделю Ю научилась лихо управляться с кофемашиной и варить приличный кофе, а вскоре она даже прониклась нашей кофеманией. Девчонка подседа на капучино! Она утверждает, что это – чистый молочный шоколад с орехами!

Кстати сказать, Юля гостила у меня недолго – через пару недель она нашла себе квартиру и переехала.

* * *

Мы с «Экипажем» плыли сквозь время. Я стала учиться находить приятное в самых простых вещах. Например, у нас в кофейне появилось мороженое, и я радовалась ему, как когда-то в детстве, когда, зажав в руках двадцать копеек, я бежала к киоску и продавщица протягивала мне ледяное чудо на палочке. Память – странная штука: иногда знакомые вкусы и запахи возвращают нам, казалось бы, давно забытые ощущения и воспоминания.

Вот я вспоминаю какое-нибудь самое счастливое лето из своего детства, каникулы, дни, наполненные свободой и солнцем, и восхитительную сладость мороженого, в которое впиваешься зубами в жаркий полдень, а оно такое прохладное, а-а-а-а! И вот ты уже не тридцатилетняя тетенька, а та девчонка с косичками. И все близко, все рядом, и до детства можно дотянуться рукой.

Я люблю смотреть на витрину с мороженым. Тут настоящее буйство красок, радующее глаз: горы розового земляничного, желтого дынного, лилового черничного, зеленого фисташкового, словно бы какой-то художник смешал самые сочные, красивые краски и получилась разноцветная сладкая радуга.

По утрам я теперь делаю глясе – кофе с мороженым, поверьте, это очень вкусно. Даже Лелик, который пьет только классический эспрессо без всяких добавок, поддался влиянию и стал добавлять себе в кофе чуточку ванильного мороженого.

А недавно у нас появился хворост! В детстве я его очень любила. Моя бабушка на праздники обычно пекла целую гору воздушного, с легкой горчинкой, присыпанного сахарной пудрой хвороста. Она раскладывала его на большом блюде, и я ходила вокруг него, как кот возле крынки со сметаной, и потом, когда бабушка разливала по чашкам свежесваренный кофе с корицей и разрешала брать хворост, – наступало счастье. Мне давно хотелось попробовать забытый вкус детства. Несколько раз я покупала хворост в магазинах, но была жестоко разочарована – этот толстый продукт из теста был неправильным, как елочные игрушки в известном анекдоте, потому что не радовал, – резиновый, невкусный, обжаренный в плохом растительном масле, а правильного хвороста нигде не было.

Однажды я спросила Манану: «Можешь испечь хворост?»

Нана пожала плечами: «Легко».

В тот же день она испекла хворост с водкой, невесомый, тающий во рту, и это лакомство так понравилось клиентам, что мы утвердили его в постоянное меню. На днях я видела, как симпатичная девушка заказала у нас тарелку хвороста и, зажмурив глаза, ела его с явным аппетитом. Потом она попросила дать ей еще сверток с собой.

Мне нравится наблюдать за посетителями, тем более что у нас уже есть постоянные.

Симпатичный бородатый парень, расположившийся за столиком у окна, зачастил к нам – вторую неделю подряд ходит чуть не каждый день. Выпьет «Черного Капитана», откроет свой белый лэптоп и начнет быстро-быстро стучать по клавишам, как пианист. Примерно через полтора часа он прерывается, повторяет «Капитана» и продолжает выстукивать морзянку.

По поводу нашего постоянного посетителя Манана как-то неодобрительно заметила: «Разве это достойное занятие для мужчины – часами пялиться в компьютер!» Леша предположил, что тот «зависает где-нибудь в «Одноклассниках».

А я, глядя на молодого человека, была уверена, что он делает что-то значительное. Возможно, это писатель, который работает над книгой. И это обязательно будет глубокая, серьезная книга, потому что с таким выражением лица человек не станет писать какую-нибудь чушь, с таким лицом люди сочиняют романы или стихи. Мне было очень интересно узнать, о чем он пишет, но ведь не станешь спрашивать...

Однажды он одобрительно заметил, что в «Экипаже» отлично работается. Я улыбнулась – приятно слышать. И приятно сделать что-то хорошее, просто так...

Вот вчера в «Экипаж» вошла пожилая женщина, промокшая под дождем, усталая, грустная. Она присела за столик, поставила рядом с ним сушиться мокрый зонтик, вздохнула: «На улице ужасная погода!» – и закашлялась: «Ну вот, я, кажется, простыла». «А хотите, специально для вас мы сделаем напиток с имбирем?» – предложила я. – Вы мгновенно согреетесь и выздоровеете».

Уходя, она призналась, что «отогрелась у нас», сердечно поблагодарила, а у меня после этого весь день было отличное настроение.

Я вдруг поняла, что мне нравится мое настоящее. Нет, конечно, я вспоминаю прошлое, но оно становится все более приглушенным и расплывчатым. Потому что в настоящем у меня есть любимое дело, я чувствую себя нужной, и рядом со мной люди, которые мне дороги.

В общем, все у нас было хорошо. Но, как известно, это – опасное положение дел, потому что «очень хорошо», как правило, сменяется «очень плохо», и вот однажды...

* * *

Они вошли в «Экипаж», как к себе домой. Четверо развязных мужчин лет тридцати, brutального вида – широкоплечие, бритоголовые. Они уселись за два столика, и один из них положил ноги на стол, как ковбой в вестернах.

Естественно, я тут же подошла и напомнила, что мы все же находимся не на Диком Западе. Незнакомец снисходительно хмыкнул, но ноги убрал. Мужики огляделись и попросили виски. Я сказала, что как таковой алкоголь мы не держим, зато могу предложить кофе и пирожные. Но пирожные этих джентльменов не заинтересовали, они даже как-то обиженно фыркнули – дескать, неужели они похожи на людей, интересующихся пирожными?!

– Тогда, может, эспрессо-корретто?

– Че за хрень? – не слишком вежливо спросил тот, что был наглее всех – кучерявый широкоплечий мужик в черном кожаном плаще.

– Стандартный эспрессо с добавлением незначительного количества ликера Baileys или виски Jameson.

– А можно в виски добавить незначительное количество кофе? – хихикнул «кожаный».

Я оценила его чувство юмора хмурым взглядом.

– Типа изысканное заведение? – насмешливо подмигнул он.

– Типа да, – отрезала я. – Чем обязаны? Вы, наверное, перепутали кофейню с каким-нибудь развеселым рестораном?

– Хозяйку позови, – сказал «черный плащ».

«Интересно, это рэкет? – успела подумать я. – Но вроде лихие девяностые канули в Лету... Странно».

– Я вас слушаю. Я – хозяйка.

– Значит, Юлька теперь работает здесь? – спросил незнакомец.

– А, так вы... – До меня стало доходить, кто к нам пожаловал.

– Вован, – с достоинством кивнул Вова.

Душевного разговора у нас не получилось. Владимир, он же Вован, в довольно бесцеремонной форме заявил, что Юле следовало бы вернуться, пасть ему в ноги, попросить прощения, и он, может статься, ее простит.

Я вежливо сказала, чтобы он не ждал – Юля ему в ноги падать не станет и вообще к нему не придет, и хорошо бы ему это понять, чтобы не портить жизнь ни себе, ни ей.

– Мне надо с ней поговорить, – потребовал Вован.

Я ответила, что разговаривать она с ним не будет и, настаивая, он оскорбляет ее женское достоинство. А Вован с места в карьер пообещал мне кучу проблем и расписал, что ждет кофейню, если Юля останется тут работать. Перспективы, обрисованные Вованом, выглядели безрадостно – кафе подожгут, его закроет тайная канцелярия санэпидемнадзора или в нем устроят еврейский погром.

«Ну и что тебе, хозяйка, больше нравится?»

Из вышеперечисленного мне не нравилось ничего, и я сказала Вовану, что зря он так горячится, все-таки мы живем не в Чикаго тридцатых годов, а в правовом государстве, и...

– Закрой пасть! – рявкнул Вован.

Я не удержалась от иронии и вежливо спросила:

– Уважаемый Владимир, а на хрена ботать по фене, если мы все здесь интеллигентные люди?

Вот я его озадачила!

Вован надолго замер в позе задумавшегося Вольтера и спустя значительно выдержанную паузу гаркнул:

– Не выделывайся, мля!

На прощание он настоятельно посоветовал мне подумать, сунул свою визитку: Вован оказался директором охранного агентства и помощником депутата, короче, крепко стоял на ногах – не подкопаешься. Уходя, парни душевно хлопнули дверью.

Я нашла Юлю в подсобке. От страха она едва не спряталась в духовом шкафу. С перекошенным от ужаса лицом она повторяла: «Это был он!»

– Ты так говоришь, словно бы это был граф Дракула. Ну, приходил какой-то Вован, подумаешь, зачем его демонизировать?

– Ты его не знаешь! Он может быть ужасным! – выдохнула Юля. – Ника, очень жаль, что из-за меня столько проблем!

Она рассказала, что несколько дней назад Вован со свитой подкараулил ее возле дома, где она снимает квартиру. Сначала он потребовал, чтобы она вернулась и пригрозил ей. На что Юля ответила: «Фигушки, ни за какие коврижки!» Тогда Вова начал просить по-хорошему, и вот тут...

– А знаешь, Ника, – печально сказала Юля, – мне его даже жалко стало. И я подумала – возможно, я в чем-то не права?

Я остолбенела – ничего себе! Мысль о том, что хамоватого брутального парня, который полчаса назад угрожал всем расправой, можно пожалеть, как-то не приходила мне в голову.

– На бедную овечку твой Вован, извини, не похож, – заметила я. – Юль, а с чего вдруг такие мысли? К чему ты вообще ведешь?

– Не знаю, – потупилась Юля, – что, если дать ему еще один шанс и попробовать начать все сначала?

Вот уж этого я вынести никак не могла.

А тут и Манана подросла на помощь – услышав Юлину фразу, она взбеленилась:

– Что ты говоришь, девочка? Куда возвращаться?

– Может, он изменится? – робко предположила Юля.

– В этой жизни может быть все, включая атомный взрыв, – усмехнулась я. – Но, пообщавшись сегодня с твоим любезным Владимиром (кстати, очень интеллигентный человек), я как-то мало верю в его чудесные метаморфозы. Иначе бы он не стал настаивать на твоём увольнении.

– Зачем он это делает, как раз понятно, – сказала Юля. – Он хочет, чтобы я осталась без работы и денег, думает, что в этом случае я быстро прибегу к нему.

Я фыркнула:

– Вот именно. Очень честный мужской прием – добиться того, чтобы любимая женщина попала в полную зависимость, и этим воспользоваться.

Я задумалась – а разве моя история со Славой не напоминала Юлину? Слава, конечно, не носил кожаного плаща, выглядел интеллигентно и говорил грамотно, но разве этот куда более развитый мужчина не относился ко мне так же примитивно, как Вова к Юле? Потребительски, собственнически, не задаваясь вопросом, чего, собственно, хочет это странное существо, которое живет рядом с ним? И долгое время я такое отношение терпела. Юлька вон сама ушла от Вовы, все-таки поняв, что к чему, а я ждала неизвестно чего и дождалась наконец, что Слава сам меня бросил.

Юля вздохнула:

– Наверное, я зря сказала Вове, что стала самостоятельной и нашла работу. Ника, он теперь от тебя не отстанет.

Я рассмеялась:

– За меня не беспокойся, я как-нибудь переживу его наезды. А насчет того, чтобы к нему вернуться – решать, конечно, тебе, но, ей-богу, Юлька, он этого не заслужил.

Я засмотрелась на Юлю: тонкая талия перетянута черным бантом, огромные фиалковые глазища – мисс Вселенная!

– Ты – красавица. – Манана задудела в ту же дуду. – Ты достойна царевича-королевича!

– Ага, где ж его взять? – усомнилась Юля.

– Просто надо ценить себя и ждать, – сказала я не очень уверенно, потому что, во-первых, сама себя не ценила, а во-вторых, пока еще не дождалась хоть сколько-нибудь приличного королевича (не Славу ведь брать в расчет!).

Мы перешли к обсуждению царевичей-королевичей, а вскоре свернули на тему мужчин вообще.

В разгар наших бурных дебатов на кухню заглянул Леша – выпить кофе и отведать пирогов. Поскольку Лешу мы не считали ни царевичем, ни королевичем и не очень-то мужчиной (он для нас все равно что близкий родственник), женские разговоры мы продолжили при нем. Кончилось тем, что Леша ушел, всем видом показывая, насколько он, как мужчина, обижен. А Юля к концу нашего содержательного разговора воспряла духом, успокоилась и заявила, что Вова – закрытая страница ее жизни.

– Вот и правильно. Умница девочка! Скушай пироженку, – заворковала Нана.

Я обняла Юлю:

– Все образуется, вот увидишь. Потом еще вспомним эту историю и посмеемся.

– Спасибо, девочки. Я вот думаю – какое счастье, что в тот вечер я зашла в «Экипаж», а не в Макдоналдс или суши, – сказала Юля.

* * *

Днем я настолько занята в кофейне, что мне совсем не до грустных переживаний и ностальгии о прошлом, но вечерами, когда я возвращаюсь домой, где меня никто не ждет, становится тоскливо. Помогают телефонные разговоры с Ритой. В эту осень мы часто созванивались.

«Ритка, если бы ты сейчас была рядом, я бы накормила тебя пирожными до отвала и сварила тебе самый дорогой кофе – коллекционный лювак!»

«А если бы ты была рядом, Ника, мы бы обошли весь Нью-Йорк и поговорили обо всем на свете. Я теперь часто одна гуляю в Центральном парке, шурша листьями, и вспоминаю прежнюю московскую жизнь...»

А в Петербурге листьев уже не было. И парки стояли опустевшие, сиротливые, готовясь к скорой зиме. И наши города разделял океан.

Во время последнего разговора я попросила Риту спеть. «Спой «Осень в Нью-Йорке». Я так соскучилась по твоим песням!»

Рита запела своим сильным, чувственным голосом:

*«Это осень в Нью-Йорке,
Что несет обещание новой любви.
Это осень в Нью-Йорке,
Она всегда смешивается с болью.
...Это осень в Нью-Йорке,
Прекрасно снова жить».*

Я вытерла слезы:

– Да, Рита. Прекрасно снова жить...

* * *

Первый снег выпал в конце октября. Было чудесное тихое утро. В это время посетителей почти не бывает, поэтому я сидела у окна с чашкой капучино и смотрела, как красиво падает снег, преображая город, который становится чистым и торжественным. Кстати, я сидела за своим любимым столиком у того самого окна с таинственной надписью, на которую обратила внимание, еще когда в бывшей рюмочной только затевали ремонт.

Поскольку окна в этом доме вообще замечательные – огромные, практически до потолка (а потолки здесь – умели же раньше строить – три с половиной метра), в самом начале ремонта я задумалась – стоит ли менять деревянные окна на современные пластиковые или вполне достаточно будет привести в порядок и обновить те, что есть. Решив для начала оттереть стекло крайнего окна, того, что выходило в переулок, я вдруг заметила надпись, сделанную на стекле чем-то острым. Воображение сразу услужливо подсказало наиболее романтический вариант – писали кольцом. А написано там было следующее: «Я люблю этот город и С...» и дата «6.01.1973».

Я ахнула – с ума сойти – 73 год! Из нынешнего года эта дата казалась почти такой же далекой, как Средние века. Надпись взволновала меня, и я стала фантазировать, кто и при каких обстоятельствах мог ее написать. Наверняка писала женщина, а кто этот таинственный С? Была ли она счастлива, любил ли ее тот человек? Возможно, их обоих давно нет на свете и от той любви осталась лишь эта надпись, кто знает.

Я не стала менять окно на новое – хотелось сохранить чудом уцелевшие слова из далекого прошлого – и с тех пор полюбила сидеть за столиком у этого окна.

В то утро, когда выпал первый снег, я сидела именно там и смотрела на дом, стоящий напротив. Он также относился к началу двадцатого века и, как и наш дом, был домом с историей. Глядя на него, я вдруг подумала, что эти стены повидали многое – за сто с лишним лет здесь побывало множество народу; люди смеялись, радовались, любили, грустили... Где они теперь?

Звякнул колокольчик на входных дверях, я повернулась и увидела, как в кофейню вошла Белая Дама.

Глава 4

Почувствовала ли я тогда, что моя жизнь теперь навсегда изменится? Не знаю, но гостья сразу обратила на себя внимание, причем не только мое – Леша и Манана тоже уставились на незнакомку во все глаза.

Она была странная – это да. И ни на кого не похожая... Разве что на фею из сказки – высокая, тонкая, в длинном темном пальто и в шляпке, а в руках черный зонт с деревянной ручкой.

Увидев ее, я встала и вернулась за стойку. Дама села за столик у окна на мое место. Она долго смотрела в окно, пока я, наконец, не решилась подойти к ней. На мое смущенное покашливание она обернулась и, улыбнувшись, попросила наш фирменный кофе.

Я уточнила:

– «Черный Капитан?»

Дама кивнула:

– Пусть будет «Черный Капитан».

Это была женщина из разряда «раз увидишь – никогда не забудешь». Большая редкость, между прочим. Пока Леша варил кофе, я украдкой разглядывала незнакомку, пытаюсь отгадать, сколько ей лет. Наконец я оставила это бесполезное занятие – ей могло быть и семьдесят, и запросто триста, настолько она действительно мало походила на обычную женщину. Седые волосы тщательно уложены в короткие завитки, безупречная осанка – нет, бабушкой ее бы никто не посмел назвать, хотя, глядя на ее лицо, покрытое сеткой мелких морщин, можно было догадаться, что перед вами очень взрослая дама.

Она пила кофе с явным удовольствием, а когда я принесла счет, заметила: «Хороший эспрессо, правильной крепости, с необходимой миндальной горчинкой. И кофейня у вас симпатичная».

Я улыбнулась – ее похвала была мне особенно приятна.

Прощаясь, она пообещала, что зайдет к нам как-нибудь еще. Царственная незнакомка поднялась и величественно направилась к выходу. Она не шла, а несла себя и была великолепна. Я долго завороченно смотрела ей вслед.

– Похожа на ведьму, – сказал Леша, заметив мой взгляд.

– Почему это? – не согласилась я. – Скорее на фею.

Леша пожал плечами:

– Феи бывают всякие. В том числе злые.

– Эта Дама походит на королеву, – высказалась Манана.

– В изгнании, – уточнил Леша.

Белая Дама сдержала обещание и через несколько дней вновь зашла к нам. Она кивнула мне, как старой знакомой, расположилась за тем же столиком у окна и заказала «Черного Капитана».

Я старалась не смотреть в ее сторону, но в какой-то миг не удержалась, взглянула на нее и вдруг увидела, как она коснулась рукой оконного стекла и быстро провела кончиками пальцев по той самой надписи, словно бы погладила. А через минуту в ее руке уже опять была кофейная чашка, и дама с невозмутимым видом вновь смотрела в окно. Все произошло так быстро, что я засомневалась – не почудилось ли мне?

Она стала приходить к нам почти каждый день, и я ждала ее появления. Я была уверена, что у этой загадочной женщины много тайн и удивительных историй. Мне хотелось познакомиться с ней, но я не решалась. Обычно все происходило по заведенному сценарию – она

появлялась, выпивала кофе, смотрела в окно, одаривала меня на прощание улыбкой и уходила, но однажды...

Она заговорила со мной.

– Как вас зовут?

– Ника.

– А вы знаете, Ника, что до революции тут была кондитерская?

Я удивилась:

– Здесь, в помещении «Экипажа»?

– Да. Она принадлежала моему деду. И это была одна из лучших кондитерских в городе. Блины и пироги со всевозможными начинками, тульские пряники, халва, пирожные, кофе, чай. Сюда приезжали со всего Петербурга. От бабушки я слышала, что сладости из кондитерской деда заказывали для императорского двора.

– А я и не знала. До нас тут была рюмочная. Когда мы въехали, пришлось делать большой ремонт, приводить все в порядок.

Она улыбнулась:

– После революции здесь был магазин, затем долгое время столовая, в семидесятые в этих стенах разместилось кафе, а потом пошла чехарда пирожковых-рюмочных. Когда появились вы – я обрадовалась. Возникло чувство, что вернулся дух старой кондитерской. Кстати, я живу в этом доме...

– Замечательно! Значит, вы будете часто бывать у нас?

Она благосклонно кивнула.

Я спросила, как ее зовут, ожидая любого ответа, я бы не удивилась, если бы она, к примеру, представилась Феей Грез или гранд-дамой королевы Виктории, но она сказала «Елена Павловна». Про себя я стала называть ее просто Еленой.

Какая-то тайна скрывалась в ее улыбке, взмахе ресниц, горделивом повороте головы. Конечно, эта женщина запросто могла целоваться с любовником на мосту в Венеции после карнавала, цокать каблуками по площадям Рима или убегать от возлюбленного душной летней ночью в Вене сто, а может, триста лет назад.

После нашего знакомства Елена Павловна не приходила несколько дней, и я встревожилась – не обиделась ли она на что-нибудь? И когда, наконец, она появилась, я бросилась ей навстречу. Улыбнувшись, она предложила вместе выпить кофе. Поскольку в этот ранний час других посетителей не было, я согласилась и присела рядом с ней.

– Все как много лет назад, – сказала Елена, глядя в окно. – Я всегда любила приходить сюда и наблюдать картины из городской жизни – это куда интереснее постановочных фильмов. Вон прошла сухая дама с левреткой, обратите внимание, как они похожи друг на друга, в этом есть что-то трогательное; вот остановилась машина, из которой выпорхнула блондинка, на мой взгляд, слишком современная, а ее герой, выходя из автомобиля, не открыл барышне дверцу и не обернулся, идет ли она за ним; а вот мальчишки с упоением поглощают мороженое.

Я призналась, что тоже люблю смотреть в это огромное панорамное окно, наблюдая жизнь города, впитывая его энергию.

Елена улыбнулась:

– Да, интересное кино: столько порой увидишь смешного, печального, трагического, величественного, и у всех в этом фильме главные роли.

Подошла Юля и предложила нам попробовать испеченные Наной маковые рогалики.

Когда она ушла, Елена заметила:

– О, эту великолепную девицу надо выставлять в витрине – создал же бог такую красоту! Впрочем, к примеру, в какой-нибудь уважающий себя Дом мод с историей, ее при всем этом внешнем блеске и полном соответствии модельным параметрам не взяли бы.

Я опешила:

– Почему вы так думаете?

Елена пожала плечами:

– Потому что туда брали девушек, которые пробудили в себе осознание своей женской силы. О, поверьте, если женщина знает про сокрушительную силу, заложенную в ней, она может свернуть горы! Это мощное оружие. А ваша девочка пока не проснулась, что ли... Вы, должно быть, думаете, откуда я знаю про модные дома, старая кошелка? Очень просто – я работала в одном из таких.

– Вы были манекенщицей?

Кажется, она даже обиделась и взглянула на меня с укоризной.

– Ну что вы, Ника... Я художник.

Юля принесла рогалики и вернулась за барную стойку.

Елена Павловна посмотрела ей вслед:

– Да, фактура великолепна, настоящая красавица!

– Значит, красавицам надо пробудить в себе осознание своей женской силы? А что делать не красавицам? – спросила я не без печали.

– То же самое, – усмехнулась Елена. – Тогда внешность вообще не будет иметь никакого значения. Знаете, Ника, я никогда не была красавицей и не переживала по этому поводу. Я совершенно убеждена, что красота для женщины приятный, но отнюдь не основополагающий фактор. Поверьте, умная женщина заставит мужчину не заметить отдельные недочеты ее внешности.

У нее был невероятно красивый голос – низкий, с модуляциями, прекрасная дикция. И какой-то флер очарования и аристократизма таился в каждом ее жесте.

Дождевые струи забарабанили в окно.

– Люблю октябрь, – вздохнула Елена Павловна, – особенно в России. Особенно в Петербурге. Время светлой грусти и подведения итогов. Как прекрасно сказал Пастернак:

Октябрь серебристо-ореховый.

Блеск заморозков оловянный.

Осенние сумерки Чехова,

Чайковского и Левитана.

Она поднялась:

– До свидания, Ника! Спасибо за чудесный кофе и компанию.

* * *

Приближение праздников я почувствовала в начале декабря.

Девочка лет десяти, пришедшая в кофейню с отцом, выбрала шоколадный рулет с малиной (молодец, правильный выбор, отменный десерт!)

Я загляделась на девочку, подумав, что, наверное, в детстве была похожа на нее – такая же темноволосая, темноглазая, смешливая. Серьезный девочкин папа заказал себе двойной эспрессо.

Когда я принесла им заказ, девочка подмигнула мне:

– Скоро Новый год!

Я озадачилась – до праздника было еще далеко. Хотя... Я улыбнулась юной леди и сказала, что она права – пора бы уже, в самом деле, задуматься о важных вещах, например, о елке.

Вот тогда-то я и решила, что к Новому году надо будет придумать для посетителей что-нибудь особенное.

Ближе к праздникам мы украсили кофейню и стали вручать постоянным посетителям подарочные пакеты сладостей.

Елена Павловна зашла к нам за несколько дней до Нового года. Она похвалила праздничный интерьер кофейни, сказав, что у нас волшебная новогодняя атмосфера.

– Вот только жаль, Ника, что у вас в меню нет старинного рождественского пирога Christmas cake, так называемого пирога «Двенадцатой ночи», который когда-то был украшением этой кондитерской. Я знаю, что его специально заказывали к Рождеству многие петербургские семьи. Представляете, какая была бы преємственность, если бы вы добавили в меню этот фантастический десерт!

Я попросила Елену Павловну дать рецепт легендарного пирога «Двенадцатой ночи» и записала его. На прощание Елена пригласила меня как-нибудь забежать к ней в гости. «Вход не с набережной, а со двора, третий этаж...»

В этот вечер мы отмечали наступающий Новый год нашим маленьким экипажем. Я рассказала Манане о пожелании Елены Павловны и передала ей записанный рецепт. Озадаченная Нана сказала, что завтра попробует испечь этот пирог.

– Ника, если я что-нибудь понимаю, – кокетливо вздохнула Нана, – то это действительно невероятно вкусно. Ты только посмотри!

Она показала воздушный, украшенный звездами из глазури пирог «Двенадцатой ночи».

– Я все выполняла строго по рецепту, – заверила Нана. – Изюм, вишня, пюре сладкого каштана, ром, абрикосовый джем, миндаль, корица, мускатный орех. Это фантастика! На Новый год испеку для своей семьи такой же.

– Спасибо, дорогая. – Я чмокнула Нану в румяную щеку. – Сделаем Елене Павловне новогодний подарок от кофейни «Экипаж». Вечером зайду к ней в гости, отнесу пирог.

– Подожди! – спохватилась Нана.

Она вывела на пироге глазурью надпись «Счастливого Нового года!»

* * *

– Елена Павловна, здесь марципановые пирожные, ваши любимые имбирные пряники и пирог «Двенадцатой ночи», который мы постарались приготовить по вашему рецепту.

Елена всплеснула руками:

– Ника, дорогая, проходи, ты как раз к чаю.

Это была большая пятикомнатная квартира, бывшая коммуналка на три семьи. Елена посетовала, что для нее одной квартира слишком велика, и объяснила, что, когда она несколько лет назад ее покупала, других в нашем районе не нашлось, и ей пришлось остановиться на этой.

Когда Елена ушла готовить чай, я принялась разглядывать гостиную. Именно так я всегда представляла интеллигентную петербургскую квартиру. Во многом здешняя обстановка напоминала дом моей прабабушки, коренной петербурженки: огромная уходящая под потолок библиотека, на стенах картины, портреты, благородная мебель, с каждым предметом которой хочется поздороваться, потому как кажется, что в нем застыло время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.